

НАД СТРОКАМИ ОДНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-164-169

С. В. Савинков¹

*Воронежский государственный педагогический университет,
Воронежский государственный университет*

СЕМИОТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА: РАССКАЗ И.С. ТУРГЕНЕВА «МУМУ»

Настоящую статью следует рассматривать в связи с материалами, предложенными для публикации в 1(28) выпуске настоящего издания за 2017 год и во 2 (39) за 2019: «Семиотика как инструмент анализа литературного текста: опыт практического приложения» и «Семиотика как инструмент анализа: «Легкое дыхание» И. А. Бунина» соответственно. В качестве предмета анализа на этот раз было выбрано хрестоматийное произведение И. С. Тургенева, рассказ «Муму». Сложность в решении поставленной задачи, с одной стороны, заключается в необходимости преодоления сложившихся по отношению к этому произведению устойчивых стереотипов, а с другой, в необходимости учета интертекстуальных связей и отношений внутри творчества писателя и представления о своеобразии его философии природы.

Ключевые слова: семиотика, значение, смысл, равнодушие, природа, безмолвие, немота, привязанность, отзыв.

S. V. Savinkov

*Voronezh State Pedagogical University,
Voronezh State University*

SEMIOTICS AS A TOOL OF ANALYSIS: I. S. TURGENEV'S SHORT STORY "MUMU".

This article should be considered in connection with the materials proposed for publication in the 1st (28) issue of this publication for 2017 and in the 2nd (39) for 2019: «Semiotics as a tool for analyzing a literary text: experience of practical application» and «Semiotics as a tool for analysis: «Light breathing» by I. A. Bunin», respectively. This time, the author chose the textbook work of I. S. Turgenev, the story «Mumu», as the subject of the analysis. The difficulty in solving this problem, on the one hand, lies in the need to overcome the established stereotypes in relation to this work, and on the other, in the need to take into account the intertextual connections and relations within the writer's work and the idea of the uniqueness of his philosophy of nature.

Keywords: semiotics, meaning, meaning, indifference, nature, silence, dumbness, attachment, recall.

---

¹ Сергей Владимирович Савинков, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета и профессор кафедры журналистики и литературы Воронежского государственного университета.

Композиционно рассказ выстраивается таким образом, что в самом его начале читатель узнает от повествователя о проживающей в отдаленном месте Москвы барыне, в одиночестве доживающей свои годы в «скупой и скучающей старости»: «Сыновья ее служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко...» [Тургенев, 1980, Т. 4, с. 246]². Слово «отдаленность», хотя и относится к месту проживания, но проецирует свое значение и на весь ближайший контекст. «Сыновья служили в Петербурге» и «дочери вышли замуж» – это тоже об отдаленности, но уже в плане не пространственном, а межчеловеческом. Отдаленность становится означающим *отстраненности* и *безразличия*. И это косвенно раскрывает смысл никак иначе не аргументированных сообщений по поводу «дня» и «вечера» жизни барыни: день ее жизни был «нерадостный и ненастный», а наступивший вечер «чернее ночи» (с. 246).

Между барыней и многочисленной дворней, которой она окружена, также нет близости, и это несмотря на то, что близость между нею и ее многочисленной дворней обуславливается закрытостью ее двора. Обитатели двора, согласно праву владения, оказываются на «привязи» у барыни, не испытывая при этом никакой к ней привязанности. Будучи рабами, они беспрекословно исполняют ее волю и не имеют права на собственное мнение и желание. В политическом смысле раб и есть тот, кто лишен права голоса. И в этом смысле челядь барского двора – немая. «У раба нет вести, свободный несет весть» (Исход: 12:26–27).

После такого представления барыни повествование переключается на другую исключительную для него фигуру – на дворника Герасима: «Из числа всей ее челяди самым замечательным лицом был дворник Герасим, мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем и глухонемой от рожденья» (с. 246). В отличие от прочих обитателей барского двора Герасим изначально с ним не связан: «Барыня взяла его из деревни, где он жил один, в небольшой избушке, отдельно от братьев, и считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком» (с. 246). Его местообитание – деревня, крестьянская жизнь которой тесно связана с природным циклом. Труд Герасима исполнен эпической целесообразности. Пахать, косить, молотить – отвечающие природному циклу акты, которые так же не могут не состояться, как и сам цикл. Для отчужденного вследствие глухонемоты от каких-либо других сторон жизни Герасима крестьянский труд – то единственное, что ему остается.

«Одаренный необычайной силой, он работал за четверых-дело спорилось в его руках, и весело было смотреть на него, когда он либо пахал и, налегая огромными ладонями на соху, казалось, один, без помощи лошаденки, взрезывал упругую грудь земли, либо о Петров день так сокрушительно действовал косой, что хоть бы молодой березовый лесок смахивать с корней долой, либо проворно и безостановочно молотил трехаршинным цепом, и как рычаг опускались и поднимались продолговатые и твердые мышцы его плечей» (с. 246).

---

² Рассказ Тургенева цитируются по этому изданию. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты. В случае цитирования других произведений в круглых скобках указывается номер тома.

Но вот такая его ото всего отстраненность и придает его фигуре черты поддерживающего миропорядок мифического героя. При таком ракурсе глухонемота Герасима есть не что иное, как выражение вмененной ему необходимости быть целиком и полностью сосредоточенным на предназначенной ему миссии. Глухонемота³ – выражение состояния предопределенной отгороженности от возможных помех со стороны «слишком человеческого». Неслучайно сказано: «Постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе» (с. 246).

А вот еще одно важное уподобление: «Отчужденный несчастьем своим от сообщества людей, он вырос немой и могучий, как дерево растет на плодородной земле...» (с. 246). Немота Герасима оказывается сродни немоте дерева. И немота могучего дерева, и немота могучего Герасима – от природы⁴. Природа в структуре этой метафоры – объединяющая Герасима и дуб логическая основа. И этому есть обоснование. Дело в том, что в тургеневском мире «немота» и «безответность» – атрибуты природы, неподвластной человеку и равнодушной к нему⁵. Как известно, начиная с рубежа 1840–1850-х годов, в творчестве Тургенева на первый план выдвигается одна и та же ситуация: человек, сталкиваясь с природной силой, оказывается совершенно беспомощным и незащищенным. Со всей отчетливостью мысль о безразличии природы к человеку выражена в рассказе «Поездка в Полесье»: «Из недра вековых лесов, с бессменного лона вод поднимается тот же голос: «Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть» (т. 5, с. 130).

Немота природы – это еще и выражение ее замкнутости на самой себе. Природа не откликается человеку не потому, что не способна на отклик, а потому, что в силу своей самодостаточности, ни в ком не нуждается. И в этой ее ни от кого независимости и проявляется ее абсолютная свобода. И поэтому в этом тексте у Тургенева два противоположных значения немоты: «немоты» как проявления свободы и «немоты» как проявления рабства.

Сама попытка Герасима сблизиться с другим существом приобретает в этом контексте особое значение. Привязаться к кому-либо означает для него избавиться от своей отделяющей его от людей немотствующей природы. Исключительность Герасима обнаруживается еще и в том, что он единственный среди челяди барского двора оказывается способным на привязанность в ином,

³ О глухонемоте Герасима и связанных с ней в рассказе коллизиях в сугубо психоаналитическом ключе см.: [Зимовец, 1996].

⁴ Ср. реплику Шубина, персонажа романа «Накануне»: «Сколько ты ни стучись природе в дверь, не отзовется она понятным словом, потому что она немая» (т. 6, с. 165). Развернутую интерпретацию этого места см.: [Савинков, 2018, с. 12–19].

⁵ Образ «равнодушной природы» у Тургенева напрямую восходит к Пушкину, строки из стихотворения которого он цитирует и в финале романа «Отцы и дети» и в частной переписке. «Однако еще до Пушкина образ «равнодушной природы» использовали писатели В. Г. Теляков, М. А. Дмитриев, С. П. Жихарев и многие другие, потому что он восходит к Гете...» [Строганов, 2018, с. 20–29].

не рабском значении этого слова. Как и в случае с немотой, у «привязанности» также обнаруживаются разные значения: «привязанность» как проявление рабской зависимости и «привязанность» как проявление со-отзывчивости.

Попытка Герасима получить отклик на свое «ласковое мычание» от прачки Татьяны терпит фиаско. По-рабски бессловесное существо оказалось на него не способно. Дворецкий Гаврила, выказывая Татьяне барскую волю о ее предстоящем замужестве, на ее покорное смирение реагирует так: «Безответная ты душа!» (с. 255). А повествователь среди прочих оценочных определений использует и такое: «...к самой себе она чувствовала полное равнодушие» (с. 249). Равнодушие прачки Татьяны, в отличие от равнодушия природы, обращено само на себя. Если безмолвие природы связано с ее равнодушием по отношению к другому, то безмолвие раба – с его равнодушием к самому себе.

Неслучайно, что к Герасиму привязывается такое же, как и он, бессловесное существо. Как представляется, сближение между героями в тургеневском мире зачастую и происходит за пределами языка. Неслучайно, что один из самых красноречивых тургеневских героев – Рудин, оказывается не способным отозваться на женскую любовь. А вот неразговорчивый и самодостаточный Базаров неожиданно оказывается обладателем отзывчивого сердца.

Актантная структура рассказа Тургенева представляет двух субъектов действия – барыню и Герасима. Для барыни Муму – враждебное существо уже только потому, что посмело проявить своеволие, отказавшись принять ее ласку: «Ах, какая же ты! – промолвила барыня, подходя к ней, нагнулась и хотела погладить ее, но Муму судорожно повернула голову и оскалила зубы. Барыня проворно отдернула руку... Внезапное движение собаки ее испугало» (с. 246). Для Герасима Муму самое близкое существо, которое если и должно погибнуть, то только от его руки. Важно, что Герасим выступает не исполнителем чужой воли, а своей собственной. Не рабское подчинение барской воли руководит им, а собственное осознанное решение. Он как бы переподчиняет чужую волю, делая ее своей. И присваивая себе чужую волю как бы, если использовать язык психоанализа, вытесняет ее. И поэтому, разрывая связь с Муму, как бы одновременно разрывает ее и с барыней.

Но все-таки акцент сделан у Тургенева на слове «сам». Вот место, где это прямо обозначено: «Герасим ... повторил знак удушения над своей шеей и значительно ударил себя в грудь, как бы объявляя, что он сам берет на себя уничтожить Муму» (с. 266–267). Вот это «сам» и делает его субъектом действия в модальности долженствования. Об этом свидетельствует произошедшая с Герасимом трансформация, возможная, согласно нарративной логике, только по отношению к субъекту действия.

Сцена утопления Муму проникнута мифопоэтической топикой. И река, и вода, и лодочка, и погружение в бездну – все это очень характерная для тургеневской авторской мифологии образность. Ну и, конечно, это трагического характера действие свершается под эгидой ключевых (не только для этого текста, но и для творчества Тургенева в целом) смыслообразов – «безмолвия» и

«беззвучия». «Герасим ничего не слышал, ни быстрого визга падающей Муму, ни тяжкого всплеска воды; для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас, и когда он снова раскрыл глаза, по-прежнему спешили по реке, как бы гоняясь друг за дружкой, маленькие волны, по-прежнему поплескивали они о бока лодки, и только далеко назад к берегу разбегались какие-то широкие круги» (с. 270).

«Безмолвие» и «беззвучие»⁶ в этой сцене получают многократное усиление и, можно сказать, увеличение до космических масштабов: это не просто беззвучие, это безмолвие небытия. Символически смерть Муму означает соприкосновение со смертью и небытием самого Герасима (ср. его жест удушения над своей шеей), после которого, согласно мифопоэтической логике, и должны произойти воскрешение и преображение.

На то, что это происходит, и указывается в финальной части повествования.

Герасим самовольно возвращается домой. И это возвращение – не бегство, а исполненный величавой торжественности уход: «Он шел... с какой-то несокрушимой отвагой, с отчаянной и вместе радостной решимостью. Он шел; широко распахнулась его грудь; глаза жадно и прямо устремились вперед. Он торопился, как будто мать-старушка ждала его на родине, как будто она звала его к себе после долгого странствования на чужой стороне, в чужих людях...» (с. 271).

Сцена возвращения подается резко контрастно к сцене утопления: в этом случае тотальному безмолвию противостоит полнозвучный природный оркестр. Так на «несокрушимую отвагу» Герасима отзывается природа, как бы приветствуя его высвобождение от какой бы то ни было зависимости: «Перепела сотнями гремели кругом, впуски перекликивались коростели... Герасим не мог их слышать, не мог он слышать также чуткого ночного шушуканья деревьев, мимо которых его пронесли сильные его ноги, но он чувствовал знакомый запах поспевающей ржи, которым так и веяло с темных полей, чувствовал, как ветер, летевший к нему навстречу ветер с родины, – ласково ударял в его лицо, играл в его волосах и бороде; видел перед собой белеющую дорогу – дорогу домой, прямую как стрела; видел в небе несчетные звезды, светившие его путь...». А дальше так: «...и как лев выступал сильно и бодро...» (с. 271).

И вот это «как лев» (с его коннотатами – царское, власть, сила, независимость, свобода) говорит о разительной перемене, которая произошла с Герасимом с тех пор, когда его как молодого, здорового, но не отдающего ни в чем отчета быка «... взяли, поставили на вагон железной дороги» и перевезли в город.

В послесловии к рассказанной истории повествователь дает резюме, из которого становится ясным, что Герасим вернулся на круги своя и уже с окончательным и бесповоротным отказом от возможности какой-либо привязанности: «И живет до сих пор Герасим бобылем в своей одинокой избе; здоров и могуч по-прежнему, и работает за четырех по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни

⁶ О безмолвии однообразия и смерти см.: [Топоров, 1998, с. 102–126].

одной собаки у себя не держит... Такова ходит молва о богатырской силе немого» (с. 272).

И в заключение два добавления.

Одно касается темы Тургенев и Ницше. При таком прочтении «Муму» возникает соблазн увидеть переключку этого произведения с ницшеанской идеей преодоления привязанности к «ближнему» во имя любви к «дальному». «Ближнее» в этой перспективе и есть то, что удерживает человека, привязывает его к месту и тем самым лишает возможности откликнуться на зов дали и достигнуть великих целей.

Второе касается фигуры лишнего человека и его положения в творчестве Тургенева. По версии «Дневника лишнего человека», «лишний» – не имеющий места не только в мире людей, но и в жизни – обречен на гибель. По версии же «Муму» – только тот, кто ни к кому и ни к чему не привязан, достоин независимости и свободы. Эта идея особым образом выражена, к примеру, и в тургеневском «Степном короле Лире».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений: в 30 т. / И. С. Тургенев – Москва: Наука, 1978 – 2014.

Зимовец, С. Молчание Герасима / С. Зимовец // Молчание Герасима. Психологические и философские эссе о русской культуре. – Москва: Гнозис, 1996. – С. 9–25.

Савинков, С. В. «Дано мне тело...»: о категориях формы и бесформенности в творчестве Тургенева / С. В. Савинков // И. С. Тургенев: текст и контекст. – Санкт-Петербург: Крипториум, 2018. – С. 12–19.

Строганов, М. В. Тургенев и «равнодушная природа» / М. В. Строганов // И. С. Тургенев: текст и контекст. – Санкт-Петербург: Крипториум, 2018. – С. 20–27.

Топоров, В. Н. Архетип моря («Морской» синдром) / В. Н. Топоров // Топоров В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы). – Москва: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – С. 102–126.

REFERENCES:

Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. / I. S. Turgenev – Moskva: Nauka, 1978 – 2014.

Savinkov, S. V. «Dano mne telo...»: o kategoriyah formy i besformennosti v tvorchestve Turgeneva / S. V. Savinkov // I. S. Turgenev: tekst i kontekst. – Sankt-Peterburg: Kriptorium, 2018. – С. 12–19.

Stroganov, M. V. Turgenev i «ravnodushnaya priroda» / M. V. Stroganov // I. S. Turgenev: tekst i kontekst. – Sankt-Peterburg: Kriptorium, 2018. – S. 12–19.

Toporov, V. N. Arhetip morya morskoj sindrom / V. N. Toporov // Toporov V. N. Strannyj-turgenev-chetyre-glavy. – Moskva: Rossijsk. gos. humanit-un-t, 1998. – S. 102–126.

Zimovec, S. Molchanie Gerasima / S. Zimovec // Molchanie Gerasima. Psihologicheskie i filosofskie esse o russkoj kul'ture. – Moskva: Gnozis, 1996. – S. 9–25.